

Научное мировоззрение – факты или теории?

Дхан Русс

Поиски истины с помощью науки

Как найти истину в относительном мире, в котором все мы живем? Пытаясь осмыслить мир, многие молодые люди ведут эти поиски, и в молодости я был точно таким же искателем. Опыт, полученный мною в колледже, сыграл немаловажную роль, дав нужное направление моим поискам и подготовив почву, на которой я испытывал различные концепции, по мере того, как с ними сталкивался. Так называемые «гуманитарные науки» почти сразу же выявили недостатки моего «индикатора» - при изучении субъективного, предвзятого мнения преподавателей нас больше волновало, как получить хорошую оценку, и не очень интересовала идея попытаться обсудить с ними «вопросы мироздания». Казалось, никто этим не интересовался, поэтому я быстро бросил гуманитарные науки и занялся техническими.

Технический колледж, казалось, освещал все четко – есть черное и белое – и никаких тебе серых полутонов, сбивающих с толку. Вопросы тестов были либо верны, либо нет, на них не влияли суточные биоритмы преподавателя и тому подобные неизвестные или непостижимые эфемерные факторы, слишком тонкие для моего развивающегося понимания. Мне нравилось, что в этом колледже $2+2$ – всегда 4, что второй закон термодинамики одинаково действует на всех континентах и что из теории любой может извлечь законы, которые дадут реальные результаты в виде надежных мостов, полетов на аппаратах тяжелее воздуха и связи с использованием электромагнитного спектра. Я думал, что здесь смогу найти те неоспоримые истины, которые действуют везде и всегда, с помощью которых можно развить подлинное понимание мира.

Также мне казалось, что многие, если не большинство, так же, как и я, считают науку той ветвью познания, которая является самым мощным инструментом в открытии и изучении истин этого мира.

Научный метод

Являясь производными от философии рационализма и принципов логики, научные законы утверждают, что внешний мир существует, что есть одна-единственная реальность, и цель науки – ее понять. Научный метод требует доказательств идей или постулатов, составляющих гипотезы, которые должны дать неопровержимые результаты, основанные на логической дедукции и общепризнанных научных принципах. Гипотеза должна быть тщательно проверена, должны быть предприняты попытки ее опровергнуть, и после того, как испытания успешно пройдены и доказана верность расчетов (или, если выражаться точнее, не доказана их ошибочность), гипотезе присваивается статус теории. Сомнения, критика и проверки гипотез – отличительная и неотъемлемая часть настоящей науки.

В то время меня вполне устраивало такое «идеальное» понимание науки и я пошел в аспирантуру – больше для того, чтобы продолжать поиски истины, нежели чем для чего-то иного. Но я не просто постигал материальную науку – развивалось и совершенствовалось и мое понимание окружающего мира.

На самом деле, не меньше (если не больше), чем научной деятельностью, в те годы я занимался проблемами мира и человечества. И однажды произошло событие, которое стало для меня уроком, соединившим эти два самые существенные для меня вопроса.

Исследование, которым я тогда занимался, должно было упразднить старый и, по сути, неточный метод определения физических свойств металлов. Однако иногда, в ходе исследования, мне приходила в голову мысль, что, как мы с профессором работаем над опровержением старой, устоявшейся теории, чтобы предложить нечто лучшее, точно так же в будущем кто-нибудь опровергнет и нас. Так я начал понимать, что «беспорные» составляющие науки – вовсе не постоянные и твердые истины – на деле это просто собрание фактов, которые в определенное время наиболее полно представляют то, что люди способны понять.

В теории науки решительно провозглашается, что не существует знания, которое было бы окончательной или абсолютной истиной – примерно по тем же причинам, которые понял и я – в любое время могут появиться идеи, которые будут более совершенны и опровергнут старые представления.

Я все больше и больше понимал это, и это привело меня к «экзистенциальному кризису», когда я почувствовал себя барахтающимся в ницшеанском мире, где не действуют никакие строгие законы. Где же тогда искать истину? Или не искать ее вовсе? Мир «науки» теперь казался мне столь же ненадежным, как мир искусства и меньше всего был готов предоставить прибежище или оказать помощь во все более меняющемся и неустойчивом мире.

Однако, в великому счастью, примерно в то же время я познакомился с другим подходом к вопросу об истине – с тем, как это представляют Веды. Узнав от одного друга о ведической мудрости, я купил и начал изучать «Бхагавад-гиту как она есть» А. Ч. Бхактиведанты Свами. Момент был самый подходящий. Та научная «подстилка», на которой я стоял до этого, была выдернута из-под моих ног, и я шагнул на ковер-самолет, который вознес меня на небеса эпистемологии, и в то же самое время дал смысл жизни, который вытеснил все, что я знал до этого (и все это при том, что большинство слов из книги я не мог даже произнести). С годами постоянное изучение «Бхагавад-гиты» позволило мне гораздо глубже понять природу этого мира.

Говорится, что понять проблему – значит на 90% ее решить. Великий Эйнштейн учил, что «проблему нельзя решать на том же уровне мышления, который эту проблему породил». В этом преимущество «Бхагавад-гиты» и всего ведического взгляда на мир – он дает подход, разительно отличающийся от западного и позволяющий взглянуть на проблему под таким углом зрения, что решение ее приходит гораздо быстрее. Кроме того, такой взгляд на мир может объяснить *абсолютно все*, что происходит в жизни человека. Я научился смотреть на мир, его события, действия и проблемы, исходя из теистического подхода Вед.

В этой статье я расскажу о некоторых из таких проблем, а именно – об отклонениях в естествознании и других сферах академической науки.

Хотя большинство людей, далеких от науки, в массе своей полагают, что наука относительно непротиворечива в своих подходах, на деле оказывается, что она все чаще вступает в противоречие с собственными признанными методами. Ученый-социолог Карл Попперⁱ проанализировал научные методы, и его философский подход, названный гипотетико-дедуктивным методом, повсеместно признан лучшим подходом в научной логике. Но, несмотря на тот факт, что лучшие подходы общеизвестны, они применяются далеко не всегда. В 1997 году Заслуженный профессор Гарварда Доктор Эрнст Мэйр в своем учебнике по биологии написал, что даже в среде ученых наблюдается немало разногласий по поводу того, что есть наука и как ей заниматьсяⁱⁱ. Кто-то утверждает, что она ограничена тем, что может быть познано при помощи наблюдения и эксперимента. Другие говорят, что наука состоит не просто из описания фактов действительности, но включает в себя и то, что ученые *могут о них сказать* – и зачастую неважно, соответствует ли это истине – потому что из-за того авторитета, который наука приобрела в обществе, их голосовные утверждения приобретают характер аксиомыⁱⁱⁱ.

Сама эта мысль предполагает, что наука может использоваться (или уже используется) и для других, помимо поиска истины, целей. Некоторые заключают, что кроме той пользы, которую приносит нам наука, позволяя создавать необходимые для жизни вещи, существует и нечто другое – та же самая наука используется как орудие власти^{iv}, позволяя осуществлять контроль над обществом^v. Такие подходы к использованию науки явно взаимоисключают друг друга и многие (особенно в демократическом обществе) признают, что это переходит все допустимые границы. Я полностью разделяю это мнение, и посылка моей статьи в том, что наука, особенно академическая, недопустимо превышает допустимые пределы отведенной ей территории и это приводит к очень серьезным социальным последствиям, которые, как правило, на широкой публике не обсуждаются.

Наука как инструмент легитимации^{vi}

Фундамент каждой культуры – мифы о мироздании, в которых рассказывается, как был сотворен мир, что такое человечество и какова цель существования человека в этом мире. Практически каждый нуждается в ответах на эти вопросы – для этого и существуют подобные объяснения. Каждая подлинная культура имеет свой миф о творении, отвечающий на мировоззренческие вопросы, и практически все эти теистические представления о мире преподносятся как достоверные исторические факты, относящиеся к данной культуре. Интеллигенция, или же сословие священников, традиционно выполняет роль их интерпретатора для общей массы людей. И сами мифы о творении, и характер ответов на вопросы бытия влияют на то, какие типы деятельности допустимы в этом обществе, как действует механизм культуры, и какие в ней ценности и взаимоотношения между людьми. Видно невооруженным глазом, что религиозное мировоззрение многих культур, в котором важное место занимает иерархия богов, сегодняшними снисходительными антропологами воспринимается не более чем миф. Как мы увидим, для такой интерпретации есть свои причины.

Достойно сожаления то, что за последние несколько лет как на западе, так и на востоке руководство интеллигенцией не принадлежит больше достойным людям, как это бывало раньше, теперь оно определяется «сверху» и перешло к другим: личные достоинства подменили пользой для государства. Так, в наши дни мы зачастую видим, что руководящие посты получают не за опыт и качества, а по наследству или еще как-нибудь в этом духе. И чересчур часто посты эти достаются тем, кто этого совершенно недостоин и имеет скрытые мотивы – власть и контроль. В римской католической церкви власть удерживалась и передавалась ее лидерам (Папам) через наследование титула. Их высказывания, посвященные самым важным вопросам, запечатленные в буллах, становились непререкаемой истиной. Во второй половине второго

тысячелетия средоточие власти и господствующего мировоззрения перешло от Римской католической церкви и ее служителей к науке и ученым. Сегодня роль священников, определяющих «истинную» природу реальности, взяли на себя ученые и другие представители академической науки, а их заявления по поводу сегодняшней действительности доходят до нас через посредство их «профессиональной» печати.

Но между современными научными «авторитетами», и теми, что были прежде, есть одно немаловажное различие. Научное мировоззрение зависит не от теологического источника, а, фактически, от представлений о реальности, созданных обществом. Таким образом, оно требует легитимации, в которой религия не нуждалась. А возможна эта легитимация только при том условии, если наука обретет ореол «непогрешимости», «божественности», что больше свойственно для религии. Профессор Гарвардского Университета, ученый-генетик Ричард Левонтэн в своей книге «Биология как идеология» описывает, как это делается в разных организациях.

Во-первых, «сама организация должна внешне выглядеть совершенно непричастной к повседневной общественной борьбе. Она не должна казаться порождением политических, экономических или социальных сил, но нисходить в общество из сверх-человеческого источника»... затем «идеи, заявления, правила и результаты деятельности организации должны обладать надежностью и непогрешимостью, которая застрахована от любой возможности компромисса или человеческой ошибки. Эти объяснения и заявления должны казаться истиной в абсолютном смысле и каким-то образом исходить из совершенного источника. Они остаются истиной везде и всегда»... И, наконец, «организация должна обладать качеством некоей загадочности и таинственности, так, чтобы ее внутренняя жизнь была доступна не каждому. Должен существовать тайный язык, непонятный непосвященному, который сможет объяснить только тот, кто обладает тайной и сможет стать посредником между повседневностью и непостижимым источником понимания и знания»^{vii}.

Нетрудно понять, что особенности эти производны от религиозного сознания и идеологии, приложенных к науке. И это при том, что наука претендует на объективность, непредвзятость и аполитичность, а большинство ученых свято уверены, что наука действует в атмосфере, свободной от вторжения политики. Ученые – химики, физики – воспринимаются как абсолютно, независимо от времени и места, правдивые люди, а научные методы построены так, что (чисто теоретически) создают продукт или знание, свободные от человеческой слабости, жадности, зависти или обмана. Таким образом, научные методы (когда они должным образом применяются на практике) должны привести к открытию мировых истин, которым присваивается титул «закон», и которые принимаются как факт, как непреложная истина. Еще, наука использует непонятный язык, недоступный для других, за исключением «посвященных», и требующий истолкования для широкой публики.

Левонтэн пишет обо всем этом с прямотой и открытостью, редкой для ученого, добившегося мирового признания. Он бесстрашно говорит нам, что помимо разработки научной картины мира, даже несмотря на свои притязания на истинность, наука с огромным успехом служит и другой цели – социальной легитимации. Он пишет, что наука может рассматриваться как социальный институт, предназначение которого – вести в умах людей идеологическую борьбу, чтобы обеспечить спокойное существование наличествующего общественного строя^{viii}.

Дело в том, что Левонтэн не делает голословных заявлений – официальная наука во многих отношениях используется для поддержки политических программ. А научный истеблишмент^{ix}, как в академических кругах, так и в индустрии, зачастую принимает такие представления о реальности, которые не поддерживаются научными данными. Более того, когда признанные и компетентные ученые пытаются возразить, открывая и представляя убедительные научные доводы, их попросту игнорируют, а иногда даже запрещают. Там, где должны возникать противоречия и вестись споры, мы

слышим только молчание. А те, кто осмелился бросить вызов такому положению дел, подвергаются осмеянию, лишаются уважения, работы, а иногда и карьеры. Давайте рассмотрим некоторые моменты из того огромного количества свидетельств, которые демонстрируют отклонения науки от ее чистой цели – поиска истины.

Недостатки и погрешности современной космологии

В современной космологии очень многое основано на так называемом «красном смещении», суть которого в том, что цвет излучения удаленных звезд смещается по направлению к красной части видимого спектра. В физике это носит название эффекта Доплера, и применительно к звуку выражается в том, что при приближении объекта частота издаваемого им звука возрастает (тон становится выше), а при удалении – уменьшается (понижение тона). В астрономии считается, что это смещение частоты световых волн – результат скорости, и на этом допущении основано очень многое, так как красное смещение играет огромную роль во многих астрономических вычислениях, как то (помимо прочего): определение расстояний до звезд и планет, расширение вселенной, ее возраст от момента большого взрыва...

А что же происходит «в полевых условиях»? Это где поискать. В академических кругах и у «правлящей верхушки» и теория большого взрыва, и красное смещение приняты как окончательная истина, в которой осталось отработать незначительные детали. Но если посмотреть в других местах, вы тут же столкнетесь с вопиющими противоречиями в объяснениях как теории большого взрыва, так и красного смещения.

Астроном Алтон Арп лишился своей должности в Поломарской обсерватории, поскольку осмелился бросить вызов принятому объяснению красного смещения. В своей книге *«На красный: красное смещение, космология и академическая наука»* он пишет о недостатке профессионализма в науке, как и о запрете на возражения. Он пишет: «Что может быть сделано, однако не

делается, - это предложение отказаться от модели 75-летней давности (теории большого взрыва – Д. Р.), которая сейчас – неоспоримая догма. Наука должна заниматься исследованиями, а не поддерживать мифы и предрассудки. Сегодня в любой газете, научном журнале или научной дискуссии, считается само собой разумеющимся, что нам известны основы: то, что мы живем в расширяющейся вселенной, всё в какой-то момент создано из ничего, что около 15 миллиардов лет назад из горячего ядра начали конденсироваться космические тела... Наблюдения, призванные доказать эту модель, не проводятся... Трудно, и в настоящее время – уже немного скучно, постоянно читать доклады о еще-большем-удалении и совсем-уж-сдвинувшихся в красную сторону световых объектах, черных дырах и все большем и большем процентном содержании скрытой массы... Перед тем, кто исследовал красное смещение и понял, что оно не обязательно свидетельствует о скорости... встает вопрос, как подобное недоказуемое предположение может приобрести такую популярность?»^x

Эти сомнения возникают у многих. В статье в журнале «Наука и технологии: 21 век», Грот Ребер с насмешкой пишет о посылах теории большого взрыва и о том, как они трактуются: «Вся эта теория Большого Взрыва не выдерживает критики, так как основана на весьма сомнительных допущениях. Основные сомнения со временем забылись и больше не упоминаются – даже в астрономических школах! В последнее время сторонники теории большого взрыва уже слишком «недобирают взятки», и выглядят круглыми дураками. Однако, поскольку в «традиционных» научных журналах также заправляют старые ворчуны-реакционеры, у читателей практически нет возможности ознакомиться с основными сомнениями»^{xi}.

Что это – подлинная наука, которой, как нам казалось, занимаются наши институты, или же пропаганда и манипуляции общественным сознанием? Скорее, последнее. И мы вынуждены задаться вопросом – почему? Это не просто два одиноких голоса – к этому хору присоединяются многие ученых высшей категории, требуя сменить господствующую парадигму. Но общество (и даже студенты) и знать не знает об этих противоречиях. Еще одно

свидетельство умышленного искажения фактов было получено в результате проверки вебсайтов физических факультетов многих высших учебных заведений – там нет ни слова о том серьезном конфликте, который окружает теорию большого взрыва.

Надо отдать должное исследователям космоса – они признают, что проблемы есть, но, почти без исключений, все эти проблемы не рассматриваются – как несущественные, незначительные отклонения, которые вполне можно подогнать под существующую теорию. А если не получается, то и саму теорию можно подправить и сделать такой, как надо (как в случае со «скрытой материей», о которой мы уже столько слышали). Но практически неограниченные попытки «подгонки» теории, которая не подтверждается научными наблюдениями не могут быть признаны истинной наукой. Научный метод гласит, что теория может быть признана лишь на основании зримых доказательств, и для науки не слишком хорошо постоянно подправлять теорию, которая с самого начала не подтверждалась реально наблюдаемыми явлениями. Любая теория или гипотеза, которая в достаточной степени не подтверждается наблюдениями, как правило, через какое-то время отбрасывается, и на смену ей разрабатывается новая, которая сможет примирить все существующие факты. В науке и философии существует такое правило, что допущения без необходимости не делаются, однако, длинный список неясностей в Теории большого взрыва свидетельствует о том, что, по крайней мере, с некоторыми концепциями ученые поторопились. Уильям Митчелл, в своей книге «Культ большого взрыва», тщательно собрал и привел не менее тридцати существенных недостатков теории большого взрыва, которые не принимаются в расчет академической «верхушкой»^{xii}.

Так почему же кто-то допускает этот маскарад, называемый наукой? Митчелл говорит, что для того, чтобы поддержать теорию большого взрыва, предпринимались и продолжают предприниматься колоссальные усилия, причем это никак нельзя назвать методом беспристрастного изучения, который теоретически считается признаком подлинной науки. Он задается вопросом,

как могут хорошие и талантливые люди принимать участие в подобных делах? Он заключает, что процессу мешают посторонние силы. Я не могу с этим не согласиться. Наука давно утратила свой «научный» характер, приняв облик и характер слепой веры. Например, Джеффри Бёрбидж, профессор физики Калифорнийского университета, Сан Диего, тоже с этим согласен: «Космология, вытекающая из теории большого взрыва, возможно, основана на вере не меньше, чем любая теория творения в истории западной цивилизации. Она основана на множестве непроверенных (и зачастую не подлежащих проверке) допущениях. Хотя космология большого взрыва вошла в моду, слепой веры в ней не меньше, чем объективной истины»^{xiii}.

Интересно, такая «научная» практика присутствует только в космологии? Хотелось бы, чтобы это было так. Но, к сожалению, научные махинации есть везде – особенно в вопросах, касающихся происхождения жизни.

Причины возникновения жизни – химические соединения?

Следующий, после теории большого взрыва, приведшего к формированию планет, момент научных представлений о мире – то, что жизнь возникла сама собой, из «первичного бульона», моря химических соединений, где возникли уникальные условия, при которых путем самоорганизации возникли фрагменты живых клеток. Дарвиновские идеи об эволюции впоследствии получили тот же самый статус непререкаемой догмы, что и теория большого взрыва: это установленный факт который принимают все ученые и в котором пока остаются небольшие (но допустимые) неясности.

Идея проста и логична, но смогут ли в действительности химические соединения образовать живую клетку? Да и что такое клетка? Когда «Происхождение видов» Дарвина впервые увидело свет, о биосистемах и их сложности было известно очень мало. Эрнст Геккель, один из преданных поклонников Дарвина (XIX век), высказал получившее известность

предположение, что клетки были «простейшими маленькими комочками белковых соединений углерода» - тем, что специалист по молекулярной биологии Майкл Бехе предложил уподобить однородным капелькам желе. Если учесть ограниченные возможности микроскопов того времени, совершенно логично было предположить, что клетку легко получить из неживой материи, просто синтезировав ее путем случайного соединения химических веществ. Легко предполагать, когда вы не имеете представления о возможных последствиях, и гораздо сложнее, когда вы действительно понимаете, к чему это может привести.

С того времени, когда впервые была провозглашена идея эволюции, особенно за последние двадцать лет, были достигнуты огромные успехи в изучении того, как действует мир живой клетки. Молекулярная биология «открыла» клетку, продемонстрировав, как удивительно она «работает». Мы узнали, что главный строительный материал клетки – протеины, которые, в свою очередь, состоят из аминокислот. Чтобы получились тысячи видов протеина, двадцать аминокислот должны в совершенно неповторимых комбинациях соединиться в цепи - от нескольких сотен до тысячи. Это то, что наблюдается в клетке – сотни и тысячи протеинов сотен разновидностей – обычная клетка состоит из десяти триллионов атомов.

Теория Дарвина предполагает, что виды жизни произошли в результате случайного взаимодействия химических веществ. Но насколько обосновано предположение, что молекула протеина (хотя бы одна-единственная) возникла путем случайной самоорганизации вещества (то есть, нужные аминокислоты, оказавшись поблизости друг к другу, приняли форму протеина)? Это несложно подсчитать, если известно количество компонентов клетки, расположенных в особом порядке. Допустим, что все атомы земной поверхности (включая воду, воздух, земную кору) сложились в «нужные» аминокислоты и прошло 4-5 миллиардов лет. Но и тогда шансы, что случайно получится хотя бы один «нормальный» протеин, равны 10^{161} (1 со 161 нулем) к одному. А если

попытаться подсчитать возможность образования клетки, то шансы станут еще меньше,^{xiv}.

Моровитц подсчитал возможность случайного происхождения органических «предшественников» простейших. Шансы на то, что получатся молекулы, аминокислоты, протеины и т.д. для создания клетки, в десять раз меньшей, чем самые маленькие, известные человеку^{xv}, меньше, чем один на $(10^{340})^6$ (это десять с 340 миллионами нулей)^{xvi} к одному. Заметив это, математики заключают, что любое событие с вероятностью меньше чем 1 к 10^{50} , совершенно невозможно, а такие люди, как лауреат нобелевской премии Фрэнсис Крик, который, совместно с Джеймсом Уотсоном, определил молекулярную структуру ДНК, приходят к такому выводу: «Насколько вероятно то, что отдельный цикл аминокислот получился случайно?.. Допустим существование цепочки длиной приблизительно двести аминокислот (это, если уж на то пошло, гораздо меньше, чем средняя длина любого протеина). Так как в каждом звене существует двадцать возможных комбинаций, это число нужно умножить само на себя около двухсот раз. Это равно приблизительно 10^{260} (то есть единица и 260 нулей). Такие числа слишком далеки от нашего повседневного опыта. Подавляющее большинство последовательностей *не смогут быть синтезированы никогда, ни в какое время*» (курсив мой – Д. Р.)^{xvii}.

Итак, либо математическая теория вероятности неверна, либо химические вещества не способны случайно объединиться, образовав протеины, или клетки, или жизнь. А так как теория вероятности – одна из самых быстроразвивающихся и испытанных областей науки, можно придти к выводу (если уж до конца действовать научно), что жизнь *не* возникла из случайного сочетания молекул. Это *не могло* произойти *случайно*. Всё. Точка.

Но есть и кое-что еще. На невозможность неodarвинизма снова и снова указывают десятки книг, вышедших за последнее десятилетие. Но разве академическая верхушка признает эти свидетельства? Разве отказывается она от опровергнутой теории? Нет. Здесь биологи шагают в ногу с астрономами –

они не признают никаких научных доказательств, которые могут опровергнуть главенствующую парадигму, что причина всех причин – материя.

Что интересно, противоречия в биологии устраняются по тому же самому принципу, что и в астрономии – методом сокрытия и запрета. Как и теория большого взрыва, теория эволюции Дарвина полна противоречий, но академическая верхушка современной биологии не дает ей адекватного логического или научного объяснения. Вместо того, чтобы обратиться к проблеме, они ее попросту игнорируют – часто просто потому, что источник этой информации – труды Бехе, Дембски и других христиан-креационистов^{xviii}. Вместо этого лицемерно провозглашается, что идеология слишком сильно влияет на их научные взгляды. Так, аргументы этих ученых оттеснены на периферию науки и в академических и профессиональных журналах подвергаются «разносу». Единственный раз, когда авторы получили возможность изложить свои взгляды, это когда они обратились к широкой публике через «популярную» прессу, и сейчас во множестве книг звучат предложения узаконить и исследовать научные альтернативы теории эволюции.

Любой разумный человек, знакомый с аргументами, которые приведены выше, может резонно заключить, что случайное возникновение мира и всего многообразия биологических видов невозможно. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы это понять. Тем не менее, хотя противостояние это длится уже не одно десятилетие, с тех пор мало что изменилось. Еще в 1986 году профессор химии Роберт Шапиро выступил с критикой некоторых моментов в исследованиях по происхождению жизни. «Мы получили ситуацию, когда теория была принята как «факт по факту», а противоречащие ей свидетельства, видно, пущены побоку». Он пришел к выводу, что «это больше похоже на мифологию, чем на науку»^{xix}.

Научные фантазии

Что уж говорить об игнорировании научных возражений - биологи сами вовсю участвуют в фальсификациях, увековечивая принципы эволюционизма в

учебниках и обучая им, хотя давно доказано, что все это – ложь. В своих «Знаках эволюции» Джонатан Уэллс демонстрирует, что даже новейшие учебники и публикации столь солидных организаций как Национальная Академия Наук содержат откровенно ложные и умышленно вводящие в заблуждение высказывания об эволюции. Во вступлении к своей книге он пишет: «Следующие главы сопоставляют «знаки эволюции» с обнародованными научными свидетельствами, и ясно видно, что большая часть из того, чему нас учат, ложь. Этот факт поднимает болезненный вопрос о статусе теории Дарвина. Если «знаки эволюции» теоретически являются лучшим ее доказательством, а все из них – фальшивка или заблуждение, о чем это говорит? Это наука или миф?.. Последствия для американской науки могут быть очень серьезными»^{xx}. Серьезнее, чем вам может показаться.

Говоря о том, чем и как занимается наука, Левонтэн приводит пример, когда ее используют для легитимации теории, от начала до конца выдуманной – теории «сексуальных предпочтений» человека. Стоит процитировать его подробно. Он говорит: «Так, все эти споры об эволюционной основе человеческих «сексуальных предпочтений», *выдумка от начала до конца*. Однако теория эта приводится в учебниках, преподается в высших школах и университетах и попадает на страницы популярных книг и журналов. Просто теория эта «узаконена» известными профессорами и национальными и международными средствами массовой информации. *Она поддерживается наукой*. По большому счету, она сама по себе - наука, поскольку наука - не просто собрание фактов о мире, но еще и все догадки и теории о нем, сделанные теми, кто носит имя ученых. Наука, в основе своей, состоит из того, что говорят ученые, вне зависимости от реального положения вещей.

Наука – больше чем структура, занимающаяся материальным миром. Одна из задач ее – формирование сознания людей относительно политического и общественного устройства. Наука в этом смысле – часть основного процесса образования, а утверждения ученых – основа для выполнения этой задачи. Образование в целом и *научное образование в частности предназначено не*

только для того, чтобы дать нам опыт управления миром, но также чтобы сформировать наши общественные взгляды» (курсив мой – Д. Р.).

Я готов поспорить, что вы не знали, что предназначение научного образования – убедить ваших детей, что сексуальные предпочтения, или, говоря прямо, гомосексуальные наклонности, заложены в их генах, и потому – нормальное явление.

Е. О. Уилсон (отец так называемой социобиологической теории, которая гласит, что сексуальное поведение человека (да и не только сексуальное) определяется исключительно его генами) говорит, что «людей до абсурдного просто в чем-то убедить. Они сами этого хотят». Далее он утверждает, что им свойственна слепая вера: «Человек склонен скорее верить, нежели знать»^{xxi}. Я спрашиваю в таком случае, кто же позволяет науке (в том числе тому же Уилсону) определять социальные предпочтения, которые нам должны быть навязаны? Конечно же, не «предки», поскольку подавляющее большинство людей в большинстве культур считают гомосексуализм неприемлемым социальным отклонением. Кто же тогда, прикрываясь именем науки, принимает столь общественно важные решения?

Это легче понять, если сопоставить выводы разных областей науки, поэтому рассмотрим еще несколько примеров.

Ботаника

То, как объясняет далекое прошлое ботаника, - еще один интересный пример «научной фантазии». Если теория эволюции утверждает, что все виды жизни произошли от общего предка, то дикие растения, по идее, должны быть предшественниками растений культурных. И если попросить ботаников объяснить, откуда взялись современные зерновые культуры, они дадут нам поистине фантастическое объяснение: как в течение долгого времени сотни поколений земледельцев эпохи Неолита с огромным упорством скрещивали древние разновидности зерновых. Это интересная версия, особенно если учесть, что она полностью расходится с данными современной биоинженерии.

В Ботаническом Саду в Санкт-Петербурге (Россия) более чем за 165 лет непрерывных усилий так и не удалось окультурить дикую рожь, даже используя инструментарий и знания, накопленные современной биологией^{xxii}. Эта рожь так и не утратила ни одного из свойств, присущих диким разновидностям, как то: ломкого стебля и маленьких зерен. И что – гипотетическое предположение о существовании биоинженеров Каменного века – это наука? С точки зрения гипотетико-дедуктивного метода, нет. Это просто надуманная идея со многими ненаучными допущениями. «Научная» ботаника (как, собственно, и биология), в попытках объяснить то, что нельзя проверить, явно выходит за пределы своих полномочий. Получается, что эти науки используют свой авторитет, который они заслужили подлинными открытиями, для того, чтобы «узаконить» определенное мировоззрение!

Лингвистика

«Устоявшийся» взгляд на мир - достояние не только «серьезных» наук. Чтобы поддержать общенаучные представления, им вынуждены прислуживать и науки общественные, такие как лингвистика. Изучение прошлого языков основано на так называемой этимологии - истории изменений слова, проходящего сквозь времена и культуры. То, как употреблялось данное слово ранее, можно проследить через исторические соответствия в смежных языках. Таким путем зафиксированы изменения во всех языках мира... Кроме одного – санскрита, языка древней Индии. Широко признан тот факт, что фонология (функционирование звуков) и морфология (формообразование слов) санскрита совершенно отличны от соответствующих частей языковой системы всех языков мира, а изменения, характерные для других языков, в санскрите обнаружены не были. Это действительно так.

Однако, 2 февраля 1786 года в своем президентском обращении к Азиатскому обществу сэр Уильям Джонс изложил вымышленную теорию «прото-языка», который следует признать матерью всех языков. Этот

неизвестный язык, «индоевропейский» по происхождению, призван был объяснить происхождение санскрита и поддержать теорию арийского вторжения.

Первым термины «индоевропейский» и «протоиндоевропейский» популяризовал немецкий лингвист, близкий сподвижник Джонса Франц Бопп (1791-1867), который отверг аргументы лингвистов-предшественников, считавших «изначальным» языком мира санскрит. Бопп был активным членом Азиатского Общества и, что примечательно, «Лондонский журнал» дал прекрасный отзыв на его работы. Сегодня протоиндоевропейский язык (несмотря на то, что нет никаких доказательств его существования) принят академическими лингвистами в качестве источника языков Европы, Ближнего Востока и Индии.

Индология

История Индии, как она представлена в Пуранах, «Махабхарате» и «Рамаяне», сотнями миллионов простых жителей Индии принимается за истину, но академическая наука считает ее мифологией. Вместо нее британские «индологи» создали свой вариант истории Индии, предположив, что до вторжения арийских орд, принесших с собой культуру, жители страны были просто-напросто варварами. Была предпринята попытка использовать «теорию арийского вторжения», чтобы представить Веды древней Индии как примитивные стихи нецивилизованных грабителей. Статьи исследователей Азии - умышленно уничижительные – выставляли в заведомо ложном свете Индийское общество, его историю и религию. В 1828 году в Калькутте было сформировано «Общество атеистов». Основатель его и его коллеги получили со стороны британцев огромную признательность: их пригласили в Англию, а писатели Азиатского Общества превозносили до небес. В 1847 году Ост-индская компания поручила Максу Мюллеру написать поддельную историю Индии, представив истины Вед в ложном свете.

В последние годы ученые начали исправлять те ошибки, которые возникли при попытке «переделать» историю, и сейчас даже научная «верхушка» подвергает сомнению ревизионистские идеи. На самом деле, не было никакого арийского вторжения, а Индийская культура – древнейшая на планете, мать остальных культур мира, как доказывают недавние археологические находки в Ориссе: там, на берегах реки Суварнарекха были найдены остатки культуры, которая непрерывно существовала в этих местах около двух миллионов лет - до 5 000 до н.э.^{xxiii}.

К чему тогда нужна была вся эта ревизионистская история? А для того, чтобы (так как материалистическое мировоззрение одержало верх) заставить человечество забыть, что Индия была центром всемирной теистической культуры.

Археология

Как утверждает Майкл Кремо, немалое число доказательств того, что человек существует на земле уже многие миллионы лет назад, полностью игнорируется академической наукой. А сведения об этом запрещены для публичного оглашения. Эти меры необходимы, чтобы поддержать учение, согласно которому человечество - конечный результат эволюции (в последние 25-50 000 лет). Но на деле, данные раскопок не только заставляют усомниться в подлинности этой теории, но и полностью могут ее опровергнуть – конечно, при условии, что они будут приняты в академических кругах (чего не происходит).

Кремо и его коллеги собрали более 900 страниц свидетельств, когда-то опубликованных в профессиональных журналах, но «благополучно» преданных забвению в академических кругах археологов. Археологический «истэблшмент» ограничивает временные рамки присутствия человека в Америке только последними 15-20 000 лет, однако существует огромное число доказательств, что человек жил здесь гораздо раньше. Найдены доказательства

присутствия в Америке человека, которым от 125 000 лет (Шегуиандах, Канадские артефакты) до 600 000000 лет (Дорчестер, Массачусетская металлическая ваза)^{xxiv}.

В голову естественным образом приходит вопрос: если Кремо и его команда (поисковая группа из двух человек) нашли столько свидетельств огромной древности человечества^{xxv}, почему же остальные представители археологии отказываются признать то же самое? Почему, как и в случае с космологией, не ведется никаких споров об этих доказательствах? Почему никто не говорит о недостатках теорий, которые под них «подгоняются»?

Расставляя точки над «I».

Выводы академических кругов во всех областях науки, о которых шла речь, имеют что-то общее. В попытках поддержать устоявшийся взгляд на мир или главенствующую парадигму все они словно пытаются заткнуть круглое отверстие квадратной затычкой. Давайте подытожим - что следует из «научных» представлений о мире во всех этих науках:

В мгновение после большого взрыва возникла вся материя, и, по мере того, как она охлаждалась, из нее постепенно вычленились звезды и планеты. На нашей планете – одной-единственной! – в первичном бульоне абсолютно случайно самоорганизовались химические вещества, самопроизвольно породив простейшие живые существа. За огромные промежутки времени, путем индивидуальных случайных мутаций, шаг за шагом, один живой вид постепенно давал начало другому... и так до тех пор, пока планета не заполнилась миллионами видов жизни – рыбами, птицами, растениями, насекомыми, животными и, наконец (в последние 25-50000 лет), - нашими предками – хомо сапиенс сапиенс – людьми. Поначалу трудно отличимые от животных, мы постепенно становились все более и более цивилизованными. Теперь мы стоим на вершине эволюции, и нет ничего лучше этого. Помни – наслаждайся этим пока можешь, поскольку, когда ты умрешь, то всё – игра закончена.

Такое представление о мире кажется единой стройной системой, созданной при помощи разных областей науки, помогающих друг другу дополнить общую картину. Космология говорит о началах творения и формировании планет, биология - о том, как зародилась жизнь и как протекают жизненные процессы, археология учит, как эволюционировали виды, где и когда появилось человечество, как люди заселяли планету, а история рассказывает о разных цивилизациях и развитии общества. Эта картина дополняется лингвистикой, которая обозначает на карте связи между цивилизациями, и антропологией (включающей индологию), которая говорит о том, как стали цивилизованными примитивные люди. Сведите все воедино, и результат покажет вам, кто мы такие, как здесь оказались и что нам теперь делать. Это современный ответ Запада на вопросы бытия.

Так что же здесь не так? *Это – миф*. Каждой из областей науки приходится «подгонять» свои выводы к такому объяснению мира, независимо от действительной их истинности. А академическая наука узаконивает такие взгляды. Если вы – образованный человек, который живет в «реальном» мире, и отвергли другие мифы о жизни, именно это - то, чему вы склонны верить. Однако, если академики и убедили себя, то 90% простых американцев все еще верят в то, что мир был создан Богом. Из-за того авторитета, которым обладает наука, люди допускают, чтобы их детей учили этому, но при том продолжают водить их в церковь. Однако, заметно, что упорная пропаганда «научных взглядов» приносит свои плоды, и американцы в попытках примирить науку и религию становятся социологическими шизофрениками. В Гэллупском^{xxvi} обзоре 38% американцев верят в то, что человек произошел от низших видов, но этот процесс направлялся Богом, а колледжи расценивают преимущество теории эволюции над теорией творения как 2 к 1^{xxvii}.

Но если каждая область науки, чтобы создать единую картину, будет учитывать все те открытия, которые сейчас истолковываются как попало или находятся под запретом, получится совсем другая история.

Запреты и контроль руководящей верхушки

Существует множество способов одержать верх в научном споре, которые с настоящей наукой не имеют ничего общего. Брайан Мартин, старший лектор факультета точных и технических наук Воллонгонгского университета (Австралия), выяснил, что происходит с учеными, пытающимися бросить вызов господствующей парадигме. Вместо того, чтобы оценить сделанные ими открытия и обсудить их работу на предмет достоинств, этих людей объявляют диссидентами. Мартин говорит, что существует стандартный набор приемов: «Это и лишение полномочий, и блокада публикаций, и лишение грантов, и официальный выговор, и направление к психиатру, и бойкот со стороны коллег, и распространение слухов, и направление на разные места работы, и увольнение... Поначалу я даже не думал, что в науке существует проблема «прессинга». Сейчас я понял, что это не такая уж редкость»^{xxviii}.

«Прессинг» не только эффективно заставляет замолчать инакомыслящих. Еще более эффективно он намекает остальным, что ждет их, если они пойдут по этому же пути. Слухов о наказаниях, ожидающих инакомыслящих, вполне достаточно, чтобы заставить многих профессоров и исследователей соблюдать в выборе тем поиска и в том, что о нем писать, «профессиональную осторожность» и «здравый смысл». Со временем к этому добавляется страх потерять звание, доход, карьеру, что приводит к запугиванию самого себя. «Физические» ограничения (внешние запреты) сменяются «договором джентльменов от науки»^{xxix}.

Яркий пример такого «наказания» - ответ писателю-ученому Ричарду Мильтону, на публикацию его книги «Развенчание дарвинистских мифов». Эта книга подвергла сомнению доказательства эволюции, принятые в академических кругах и выставленные по всему миру в музеях естественной истории. Во вступлении к изданию 1997 года автор пишет: «Я не жду, что наука будет приветствовать появление еще одного чересчур любопытного репортера. Но я жду возражений, которые выведут нас на уровень разума. Я жду, что люди потребуют (на вполне законных основаниях) еще более

тщательной проверки моих доказательств. Я жду, что меня спросят о достоверности того или иного факта». Он был поражен тем, что, хотя передовица Лондонской «Таймс» и превозносила его статью, говоря, что она потрясет «религию эволюции», напечатанный на другой странице отзыв дарвиниста Ричарда Доукинса отражал куда более мрачную картину: «книга - «околесица», «чепуха», «бред», а ее автор – «тихий шизофреник», нуждающийся в «психиатрической помощи»^{xxx}. Мильтон отвечает, что «эти резкие отзывы служат признаком того, что между любознательными журналистами и парочкой реакционных академиков существуют разногласия. Они порождают столько важных вопросов, которые интересуют широкую публику!».

Безусловно, это так. Разногласия поднимают вопросы о том, способна ли вообще «академическая верхушка» заниматься наукой, и о том, какие мотивы лежат за столь «реакционной» политикой - наказанием тех, кто излагает взгляды, выходящие за рамки, отведенные для возражений. Также встает вопрос - что защищают и охраняют эти рамки?

Недостатки современной науки

Если глубже взглянуть на все эти проблемы, можно заметить следующее: 1) логичные научные доказательства во многих областях науки игнорируются, особенно когда они угрожают господствующим взглядам на мир и/или приковывают к себе большой интерес; 2) границы допустимых разногласий внутри каждой научной дисциплины четко определены установленным «научным» взглядом на мир, который стал мертвой догмой. Следствие этого то, что принципы чистой науки стоят в прямой зависимости от политических установок. Эти движущие силы действуют во многих общественных науках; 3) выходя за пределы своих законных владений – познания природы – ученые вводят многие допущения, которые научно несостоятельны и выпадают из рамок подлинных научных методов. Также под именем Теории они делают

выводы, которые не имеют фактической научной основы, будучи просто недоказанными измышлениями и голословными заявлениями; 4) нередко наука превышает отведенные ей границы анализа явлений материальной природы и используется для легитимации существующего мировоззрения и его пропаганды – даже путем внушения доверчивой публике. Сказать точно, кто устанавливает эту философию, невозможно; 5) информация о подобном использовании науки, как правило, не известна широким массам, и сомнительно, что люди это одобряют; 6) допустимые границы обсуждений таковы, что приводят к пропаганде идеологии, которая явно атеистична: академические и «научные» дебаты не оставляют места для споров о духовном элементе

Кроме того, во всех областях науки заметны организованные попытки уклониться от точных, фактических исследований, открытий или истории, чтобы оказать обоюдную поддержку научному атеистическому мировоззрению. Подобные усилия могут рассматриваться как попытки контролировать мышление и понимание людей и, таким образом, как средство пропаганды чьих-то интересов.

Вышеперечисленные проблемы – серьезные нарушения полномочий и допустимых границ науки. В этих случаях наука фактически используется для поддержки политических программ, как заявляет Левонтэн. По мере того, как подобное поведение становится все более широко признанным, научные организации все больше предстают перед нами в том же свете, что и Римская католическая церковь с приходом Реформации – как средство ограничить понимание человека, чтобы навязать догматическое и ложное представление о реальности. Другими словами, наука используется в политических целях. По мере того, как люди начнут понимать, что стоит за действиями ученых, положение научного взгляда на мир в глазах многих людей пошатнется. В результате вышеперечисленных причин я предсказываю, что крах атеистической науки уже маячит на горизонте.

Люди хотят знать правду, им не нравится, когда их контролируют. Когда они поймут, что происходит, они отвергнут идеологию науки и найдут альтернативные пути познания мира. Если понять проблему – значит на 90% ее решить, то мы – на пороге решения. Проблема современного западного мировоззрения в том, что оно искусственно вынуждено вести к атеистическим выводам и их поддерживать. Решение – взгляд на мир, который сможет примирить теистические и духовные идеи и силы, действующие в мире, и который заставит вывести результаты через множество явлений. Я считаю единственным кандидатом, у которого есть необходимая сложность и глубина, чтобы описать весь опыт человечества, ведический взгляд на мир.

Контролировать споры – для чего?

Хотя биологи приплетают во все свои дела случайность, по сути дела, в человеческом обществе случай встречается не так часто. В правовой сфере, коммерции, индустрии, во всех областях, где требуются непосредственные человеческие усилия, мы получим результаты только тогда, когда группа людей поставит себе задачу их достичь. Скажите любому законодателю, что законы, которые он только что разработал, получились сами собой, и он подумает, что вы сошли с ума. Он-то знает, каких усилий ему это стоило. Скажите бизнесмену, что успех пришел к нему случайно, и он рассмеется вам в лицо. Чтобы делать свой бизнес, он вкалывал по 80 часов в неделю, и сам он, по крайней мере, убежден, что это – точно не дело случая. Точно так же, академическая наука состоит из людей и людьми же управляется, и точно так же не похоже, что их результаты получаются случайно. Поэтому я заявляю, что каждая область науки устанавливает границы того, что может обсуждаться, вовсе не случайно. Это может быть достигнуто только преднамеренными усилиями каких-то людей. Кто же это? И что ими движет? Это следующий вопрос, на который мы хотим ответить.

Интересно, что касается нашего случая, сходный феномен наблюдается и в другой сфере общественной жизни – в СМИ. Так же, как в ознакомлении нас с

истинами физического мира мы доверяем науке, точно так же мы доверяем и журналистам следить за тем, что происходит в мире людей и рассказывать об этом нам. Грустно, но и то, и другое наше доверие не оправдывает.

Эдвард Герман и Ноам Хомский в книге «Сфабрикованное согласие» подвергают доскональному анализу СМИ. Используя десятки критических статей и исследований, они доказывают, что медиа, далекие от беспристрастного изложения новостей, поддерживают экономические, социальные и политические программы привилегированных групп, которые преобладают в данном обществе, штате или на земном шаре.

Открывая исследование, они пишут: «На наш взгляд, помимо прочего, медиа служат и пропагандируют за и от имени тех властных структур, которые их финансируют и контролируют. Представители этих структур имеют важные программы и принципы, которые хотят «продвинуть», и очень хорошо приспособились вести и направлять политику через СМИ. Это как правило делается не грубым вмешательством, но подбором правильно мыслящего состава и усвоением редакторами и журналистами приоритетов и определения того, что интересно для публикации, что согласовывается с политикой структур»^{xxx1}.

Авторы не пытаются идентифицировать «властные структуры», о которых пишут, но мы можем догадаться, что это организации денежные, так как в нашем обществе сила – значит деньги. А почему «денежные» организации хотят контролировать СМИ и научную идеологию? И снова Левонтэн дает нам разгадку. Через всю его книгу проходит мысль, что биология служит легитимации общественного строя, и несколько раз дается понять, что делается это умышленно, чтобы поддержать существующий порядок вещей. Он открыто провозглашает, что история биологии нужна, чтобы убедить людей, что ситуация, в которой находится мир, неизбежна, так как «политические структуры общества – конкуренция, предпринимательство, иерархическое общество, в котором мы живем и которое по-разному вознаграждает разные характеры, разные познавательные способности и разные склады ума – также

определяются нашим ДНК, и, поэтому, не подвержены изменениям»^{xxxii}
(курсив мой – Д.Р.)

Вот так гены творят культуру. Как Левонтэн замечает по этому поводу, «когда мы узнаем, на что похожа наша ДНК, мы узнаем, почему некоторые из нас бедны, а некоторые богаты, кто-то болен, а кто-то здоров, кто-то силен, а кто-то слаб. Мы узнаем, почему некоторые народы могущественны и богаты, а некоторые – слабы и бедны, почему одна нация, один пол, одна раса доминирует над другой».

Смысл в том, что, каково бы ни было наше положение, такими уж мы уродились, и поэтому жаловаться не на что – это правильный порядок вещей. Конечно, это не более чем жесткая кастовая система, которая оправдывает несправедливость и социальную дискриминацию при помощи религии науки.

Что есть материя и что есть жизнь?

Даже допустив способность атомов к самоорганизации в аминокислоты, протеины и клетки, ученые ловко уклоняются от дискуссии на тему – что же такое жизнь. При этом они заявляют: жизнь возникает исключительно из соединения химических веществ. То есть, научный взгляд на мир подразумевает, что материя приравнивается к жизни. Это допущение, возможно, наиболее глобальное, сбило с толку многих христиан-креационистов, принявших эту идею. Вопрос остается в силе: может ли жизнь возникнуть из материи? Но, на самом деле, при том, что у теории этой мало доказательств, есть много свидетельств обратного – того, что жизнь существует независимо от материального тела.

Ведическое знание не обходит стороной эту проблему, а непосредственно ее рассматривает, объясняя, что жизнь возникает из трансцендентального источника, и хотя во время пребывания на земле она временно заключена в материальные тела, сама она существует в другом измерении. Люди, обладая свободой воли, свободны выбирать, в каком измерении им жить.

Представляя детально разработанную философию, рассматривающую Бога, живое существо, карму, реинкарнацию, материальные энергии, материальный мир и т.п., Веды дают объяснение всем этим явлениям, большинство из которых материалистической наукой попросту отвергаются. Понимание всех этих аспектов жизни значительно улучшит наше положение, дав возможность сделать выбор, как в этом мире жить.

Отсутствие знания о собственной природе и природе жизни оказывает реальное влияние на состояние человека, создавая то, что отец социологии, Эмиль Дюркгейм, обозначил термином «моральное разложение», под которым подразумевал ситуацию, которая может быть описана как разновидность «социальной опустошенности или вакуума». В таком состоянии суицид, преступность и беспорядки – вполне закономерное социальное явление, так как существование наше в таком случае не коренится в стабильном и интегрированном социальном окружении, а наши жизни теряют цель и смысл^{xxxiii}. Мы уже дошли до этого. Самоубийства – основная причина смерти подростков в США, а многие миллионы, включая детей, ежедневно вынуждены принимать дозы психотропных средств, просто чтобы выжить в этих условиях.

Эта ситуация также предсказана в Ведической литературе. Она описана как *шуньявада*, войдизм, что подразумевает бессмысленность существования или пустоту. Сознание и природа тех, кто затронут этими представлениями о мире, описаны Господом Кришной в шестнадцатой главе «Бхагавад-гиты» словом *асурика*, или демонические. Асуры, говорит Кришна, думают, что не существует Бога, который все контролирует, что у мира нет личностного или духовного основания. Его единственная причина - половое влечение. Убежденные в этом, потерянные сами для себя, асуры поглощены пагубной, греховной деятельностью, направленной на разрушение мира. Потакая ненасытному вождению, опьяненные гордыней, тщеславием и самомнением и очарованные преходящим, они думают, что смыслом человеческой жизни являются наслаждения.

С другой стороны, «Бхагавад-гита» описывает *суров*, людей, обладающих божественной природой. Это люди, которые очистились при помощи духовного понимания и решительно контролируют свой ум. Оставаясь свободными от вожделения, гнева и ложного престижа, они погружены в духовное сознание. В этом состоянии они ни о чем не скорбят и ничего не желают, равно относятся ко всем живым существам, и навсегда избавились от привязанности, страха и гнева. Достигнув этого уровня, они поднимаются на высшую ступень жизни – понимание своей духовности, и осознание Верховного Брахмана.

В соответствии с ведическими представлениями, человеческая жизнь и сознание специально предназначены для того, чтобы достичь духовного совершенства, а цивилизация должна способствовать достижению этой цели жизни, обеспечивая мир и процветание всех членов общества. Такая ситуация существовала в прошлом, в древних цивилизациях, как рассказывает ведическая литература. Это не утопия или фантастика, которая никогда не станет реальностью, и не ностальгия по давно ушедшим временам. Эта вершина цивилизации снова может быть достигнута в культурах, представители которых примут эти принципы, но которую никогда не достигнут те, кто отвергает свою истинную природу.

На какой путь мы встанем в будущем?

Е. О. Уилсон, предполагая, что у моральных принципов – биологическая основа, писал: «выбор между трансцендентализмом и эмпиризмом настанет как исход борьбы столетия за человеческие души. Вопросы морали либо останутся достоянием теологии и философии, либо переместятся в область научного вещественного анализа. Где они обоснуются в конечном счете – зависит от того, какое мировоззрение будет признано верным»^{xxxiv}.

Уничтожит ли в конечном итоге атеистическое мировоззрение теистические взгляды на жизнь, или же преобладающей парадигмой все-таки станет

понимание духовного аспекта жизни человечества и цели его освобождения от материального рабства? Что передадим мы грядущим поколениям: трансцендентную истину Вед или же выводы не оправдавшей себя и заведшей человечество в тупик материалистической идеологии?

Дхан Руссе получил степень магистра технических наук в университете Флориды в 1973 году, и в то же время начал изучать ведическую мудрость. В настоящее время он занимается писательской деятельностью и преподаванием, большую часть времени проводя в Калифорнии и Индии. Он директор ПАВАНа, Ассоциации Ведического Знания Прабхупады, образовательного учреждения, предназначенного для моделирования и применения Ведической мудрости, что поддерживается его жизнью в Пури. С ним можно связаться по адресу drousse@rambler.ru.

ⁱ См. *The Logic of Scientific Discovery* (1968) и *Conjectures and Refutations* (1972)

ⁱⁱ См. *This is Biology: The Science of the Living World* Belknap Press, Boston, MA 1997, гл. 2

ⁱⁱⁱ Richard C. Lewontin, *Biology As Ideology: The Doctrine of DNA*, HarperPerennial, NY 1992, p. 103

^{iv} Брайан Мартин. См. сайт www.SuppressionOfScience.com

^v Lewontin, p. 9

^{vi} Легитимация (лат. *legitimus*) - признание или подтверждение законности государственной власти, какого-либо социального института, статуса, полномочий, опирающиеся на принятые в данном обществе ценности (прим. пер.)

^{vii} Lewontin, p. 7

^{viii} Lewontin p. 6-7

^{ix} Истэблшмент – правящие круги, господствующая верхушка (прим. пер.).

^x *Seeing Red: Redshifts, Cosmology and Academic Science* Halton Arp, Apeiron, Montreal, 1998, p. 257

^{xi} *The Big Bang is Bunk*, March-April 1989, p. 43-49

^{xii} William C. Mitchell, *Cult of the Big Bang—Was There A Bang?* Cosmic Sense Books, Carson City, NV 1995, p. 220

^{xiii} *Scientific American*, February 1992, p. 96

^{xiv} Harold Coffin, *Origin by Design*, Review & Herald Publishing, Hagerstown, MD 1983, p. 376

^{xv} *Mycoplasma hominins* H. 39

^{xvi} James Perloff, *Tornado in a Junkyard: The Relentless Myth of Darwinism*, Refuge Books, Arlington, MD 1999, p. 68

^{xvii} Francis Crick, *Life Itself: Its Origin and Nature*, Simon & Schuster, NY 1981 p. 51-52

^{xviii} То есть, ученых, которые придерживаются христианской точки зрения на сотворение мира (прим. пер.).

^{xix} Цит. по *Icons of Evolution: Science or Myth*, Jonathon Wells, Regnery Publishing, Wash DC, 2000, p. 27

^{xx} Wells, p. 8

^{xxi} E.O. Wilson, *Sociobiology: The New Synthesis* Harvard University Press 1975; цит. по Lewontin p. 91

^{xxii} См. www.lloydpye.com/A-literal.htm

^{xxiii} United Press International, Calcutta, India, Sept. 8, 2003

-
- ^{xxiv} *Forbidden Archeology: The Hidden History of the Human Race*, Michael A. Cremo and Richard L. Thompson, Bhaktivedanta Book Trust, Los Angeles, CA 1996, p. xxix.
- ^{xxv} В «Запретной Археологии» свыше 900 страниц, содержащих десятки примеров, доказывающих огромную древность человечества.
- ^{xxvi} Институт Гэллага - Американский институт общественного мнения, основан Дж. Гэллагом в 1935. Проводит регулярные опросы населения по проблемам внутренней и внешней политики (прим. пер.).
- ^{xxvii} Gallup survey for Christianity Today, July 1982.
- ^{xxviii} Статья «Прессинг в науке» Брайана Мартина с его веб-сайта: www.SuppressionOfScience.com
- ^{xxix} Deyo, Richard A., Bruce M. Psaty, Gregory Simon, Edward H. Wagner, and Gilbert S. Omenn. 1997. "The Messenger under Attack: Intimidation of Researchers by Special-Interest Groups." *New England Journal of Medicine* 366 (16 April): 1176-1180.
- ^{xxx} *Shattering the Myths of Darwinism*, Richard Milton, Park Street Press, Rochester, VT, 1997, p. ix
- ^{xxxi} *Manufacturing Consent*, Edward S. Herman and Noam Chomsky, Pantheon Books, NY, 2002, p. xi
- ^{xxxii} Lewontin p. 87
- ^{xxxiii} *Ideology and Utopia, An Introduction to the Sociology of Knowledge*, Karl Mannheim, Harvest Books, NY 1936, p. xxi
- ^{xxxiv} E. O. Wilson, The Biological Basis of Morality, from *The Atlantic Monthly*; April 1998; Volume 281, No. 4., pp. 53 – 70